

УДК 1:316.6

ОБ ОДНОМ «ПОЗОРЕ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА*Л.М. Богатова***Аннотация**

Статья посвящена одной из дискуссионных проблем философской антропологии – анализу промискуитетной стадии в качестве исходного состояния половых отношений древнейшего сообщества. Автор настоятельно проводит мысль о том, что исследование синкретической формы взаимоотношений полов в архаической культуре представляет огромный интерес не только для понимания логики дальнейшей эволюции семейно-брачных отношений и формирования таких общественных институтов, как брак и семья, но и для выявления причин тех метаморфоз, которые сопровождают изменение родовой сущности самого человека.

Ключевые слова: культура, промискуитет, инцест, экзогамия, пред-общество.

В исторической биографии человеческого рода имеются страницы, которые не очень приятно вспоминать, пребывая на том уровне цивилизованности, на который вывела современного человека культура. Стоит признать, что некоторые «антропологические казусы» весьма омрачают безупречность исторической репутации, на которую амбициозно рассчитывает современный человек. Речь идет о самых ранних этапах становления пред-человеческого сообщества, в пределах которого практиковалась весьма оригинальная по нынешним меркам форма реализации одного из самых сильных природных инстинктов, а именно полового. В XIX в. с подачи шотландского этнолога Дж. Мак-Леннана данная форма была названа промискуитетом и сразу стала одной из острых дискуссионных проблем, обсуждение которой с самого начала сопровождается антропологические исследования. Ученые до сих пор не пришли к общему единодушному мнению по вопросу: какой была первоначальная форма реализации полового инстинкта в формирующемся сообществе пред-людей. Разнообразие мнений и точек зрения представлено в науке двумя основными, находящимися в конфронтации подходами, каждый из которых в свое время был поддержан авторитетными исследователями.

Ф. Энгельс, И. Бахофен, Л.Г. Морган, Г. Спенсер, Дж. Леббок, И. Блох, Ф. Мюллер-Лиер, И. Колер, К. Каутский, А. Бебель, а также отечественные ученые – Ю.И. Семенов, В.П. Алексеев, А.И. Першиц, А.В. Сосновский и др. – в разной степени, но признают существование в праобщине, то есть в первобытном пред-человеческом сообществе, промискуитета. Им противостоят К. Старке, Э. Вестермарк, Э. Гроссе, Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс, среди отечественных исследователей – П.И. Борисовский, Л.А. Файнберг, Н.А. Тих,

И.С. Кон, А.П. Скрипник и др., которые, говоря словами Ф. Энгельса, «хотят избавить человечество от этого “позора”», то есть категорически отрицают промискуитетную фазу и настаивают на том, что половые отношения пред-людей с самого начала имели определенные механизмы регламентации.

Противники промискуитета обращаются к исследованиям этологии и в качестве аргументации ссылаются на поведенческую практику ряда видов приматов, полагая, что наши далекие предки унаследовали от предшествовавших им полуживотных объединений гаремную семью со свойственной ей регуляцией полового инстинкта. Интересные суждения по данному вопросу высказаны американскими исследователями Э. Уайтом и Д. Брауном, которые зафиксировали наличие строгих запретительных механизмов в половых отношениях у ряда приматов, в том числе и у шимпанзе¹, что позволило им сделать следующий вывод: «На каком-то этапе эволюции древних людей внутреннее отталкивание превратилось в строгий запрет. По-видимому, можно предположить, что по мере того как человек прямоходящий начинал осознавать родственные отношения в системе своего сообщества, половые сношения внутри семейной группы мало-помалу прекращались» [1, с. 132].

Не вникая в тонкости дискуссии о правомерности подобных заключений, сошлемся лишь на мнение английского ученого Ф.А. Бича, который заслуженно считается классиком систематического сопоставления сексуального поведения человека и животных. Ф.А. Бич настоятельно призывает остерегаться прямых аналогий в сравнительном анализе сексуальной практики животных разных видов и подчеркивает, что описательный уровень межвидового сравнения фиксирует лишь некоторое внешнее, формальное сходство поведения, и как бы ни были увлекательны эти сходства, сами по себе они ничего не объясняют. Актуальность такой постановки вопроса обуславливается еще и тем обстоятельством, что у приматов отсутствует единая стратегия полового поведения. Разброс типов сексуальности очень широк: от внешне беспорядочного спаривания у одних отрядов до длительного парного сожительства у других. При этом не следует забывать, что человек не является прямым «генетическим родственником» линии приматов, а представляет собой самостоятельную ветвь эволюции. Поэтому рассуждать о прямом наследовании пред-людьми генетически закрепленных запретительных механизмов в сфере половых отношений вряд ли правомерно.

Сторонники другой, прямо противоположной позиции, основы которой заложили в конце XIX в. большие знатоки первобытной культуры – швейцарский историк Иоганн Бахофен и американский палеоэтнограф Льюис Морган, убеждены в существовании промискуитетной стадии в предыстории человеческого сообщества. Представители данного подхода опираются не только на теоретические соображения и логическое реконструирование происходящих в древнейших пластах первобытной истории процессов. По их мнению, о широкой практике отношений промискуитетного характера свидетельствует богатейший этнографический материал и обширнейшее наследие, дошедшее от самых ранних этапов

¹ Так, Э. Уайт и Д. Браун установили, что у японской макаки существуют поведенческие механизмы, препятствующие половому общению матери и сына, а у шимпанзе этот запрет распространяется даже на потомство одной и той же самки, то есть на братьев и сестер [1].

культуры в виде инициаций, табуаций, обрядов, оргиастических празднеств, а также в виде мифов, легенд, преданий, верований и т. д. Отмечая вклад И. Бахофена в изучение такого «социального ископаемого», каким является промискуитет, Ф. Энгельс писал: «О таком первобытном состоянии говорили еще начиная с прошлого века, но ограничивались общими фразами; лишь Бахофен, – и в этом одна из его крупных заслуг, – отнесся серьезно к этому вопросу и стал искать следы этого состояния в исторических и религиозных преданиях» [2, с. 37]. И хотя такой авторитетный ученый, как И.С. Кон, утверждает, что «абсолютный промискуитет (полная неупорядоченность половых отношений) учеными нигде не зафиксирован» [3, с. 114], представляется более убедительными рассуждения другого исследователя – А.В. Сосновского, который считает, что «науче вряд ли когда-либо удастся получить в свое распоряжение прямые доказательства существования промискуитета в столь далекую эпоху. Но косвенных подтверждений тому немало и в мифологии, и в истории, и в этнографии. Легенды и предания о временах, когда брак был еще неизвестен, существуют практически у всех народов мира» [4, с. 18].

Действительно, свидетельств наличия остаточных промискуитетных форм можно найти предостаточно в глубоком историческом прошлом самых разных культур. Уже древние историки Геродот, Страбон, Плутарх, Плиний сообщали о существовании беспорядочных половых отношений как у современных им, так и у более древних племен. По Геродоту, агафирсы – соседи скифов – «со своими женами живут сообща и потому они все братья, у массагетов женщины – общее достояние, аусейцы в Ливии общаются со своими женщинами все вместе, подобно скоту, и не имеют собственных жен» (цит. по [4, с. 18]). Богатейший иллюстративный материал представляют этнографические исследования, в которых при рассмотрении культурного опыта целого ряда сообществ, остающихся на уровне развития первобытного строя, зафиксировано отсутствие какой-либо системы регламентации свободы в сфере сексуальных отношений и отмечено явно выраженное присутствие промискуитетных признаков. По свидетельству американского этнографа Поуэрса, у калифорнийского племени чероки совершенно отсутствует половая воздержанность и большинство молодых женщин считается общим достоянием. Э. Брик, автор монографии «Негритянский эрос» (1928 г.), на основании двухлетних наблюдений за жизнью аборигенов Экваториальной Африки отмечал, что молодежь многих племен до вступления в брак живет в промискуитете и вступает в половые отношения по первому же влечению. По сообщениям А. Маргольда, изучающего жизнь туземцев Маркизовых и Филиппинских островов, у арунта – австралийских аборигенов – девушка перед вступлением в брак подвергается обрядовой дефлорации, а затем к ней получают доступ дед с материнской стороны, сын сестры отца и мужья сестер. У фиджийцев после обряда обрезания, совершаемого над мальчиками, достигшими совершеннолетия, следует долгожданный праздник, полный неопишемого разгула. Все родственные связи перестают действовать, даже родные братья и сестры могут оказаться сексуальными партнерами. Мужчины и женщины одеваются в фантастические одежды, до изнеможения танцуют на деревенской площади и предаются беспорядочному разврату. Шумное празднество продолжается несколько дней, после чего вновь восстанавливаются все повседневные

обычаи. В их числе, между прочим, есть запрещение братьям и сестрам даже разговаривать друг с другом (см. [4]).

Специалисты, изучающие первобытно-родовую эпоху, отмечают, что древняя культура, не только примитивно-первобытная, но и раннеклассовая, характеризовалась периодической отменой на некоторый срок практически всех запретов, и в сфере взаимоотношений полов в том числе. Этот феномен одним из первых описал Дж. Фрэнгер, по мнению которого, «у многих народов существовал ежегодный период распушенности, во время которого отбрасывались обычные ограничения... В такой период люди предавались непомерному веселью и на поверхность вырывались темные страсти, которые они в обычной жизни держали в узде. Подобного рода взрывы подавленных человеческих влечений часто выливались в развратные и преступные оргии» [5, с. 648]. В племени хо (северо-восточная Индия) на таком празднестве мужчины и женщины в удовлетворении своих любовных прихотей вели себя почти как звери [5, с. 618].

Солидными фактологическими данными располагают исследования по истории культуры, которые показывают, что элементы промискуитета можно найти не только в далеком прошлом, например, в дионистических оргиастических празднествах у древних греков или в средневековом европейском карнавале, а также не только у примитивных народов, являющих собой не тронутые временем «заповедники» культуры. Обширные вкрапления промискуитетной практики в «снятом», преобразованном виде присутствуют в контексте культуры на всем протяжении ее развития. Исследователи располагают обширным материалом об установлениях, традициях, обычаях, ритуалах в сфере семейно-брачных отношений, в содержании которых явно прослеживаются мотивы первозданной хаотичности половых связей. Так, Эдуард Фукс, автор известного трехтомного сочинения «Иллюстрированная история нравов», в увлекательной манере знакомит читателя с обычаем обмена женами и предоставления жен и дочерей на ночь почетному гостю, повествует о практике «пробных ночей», широко распространенной вплоть до недавнего времени во многих землях Германии. С забавными подробностями описывает выбор жены по «жребию», рассуждает о кузенных династических браках как легализованном инцесте, о масштабах «неистребимого порока» – проституции, о «свободе от брачных уз» в виде адюльтера и т. д. [6, с. 23].

Таким образом, все то, что с таким трудом преодолевает, категорично осуждает и не приемлет культура в нынешнем своем состоянии, представляет по существу отголосок, своеобразный атавизм отношений между полами, первоначально никак не упорядоченных и не имеющих никаких строгих ограничений. И хотя авторитетные ученые проявляют известную осторожность, отмечая, что пока еще нет достаточных данных для того, чтобы с уверенностью судить о взаимоотношениях полов в первобытной праобщине, не претендуя на окончательное подведение итогов в столь ответственной научной полемике, полагаем, что можно прийти к более определенным выводам. Колоссальный массив фактологического материала, которым в избытке располагает современная наука, на наш взгляд, позволяет с большой степенью уверенности заключить, что исходной антропологической формой реализации полового инстинкта мог быть именно промискуитет.

Накал страстей и острота научных дискуссий возникли вокруг проблемы промискуитета не случайно. Признание промискуитетной стадии в качестве реального факта предыстории человеческого сообщества имеет принципиальное значение для создания научно-теоретических обобщений концептуального характера. Имея четкие, ясные, аргументированно обоснованные представления об исходной форме реализации полового инстинкта у нашего древнейшего предка, можно определить магистральную направленность эволюционного генезиса полового диморфизма и выявить главенствующие детерминирующие факторы, преобразующие естественно-природные половые отношения пред-человека в гендерные социокультурные институты в виде брака и семьи. В соответствии с классической методологией о наличии исторической преемственности в развитии социокультурных явлений, признание промискуитета в качестве исходного состояния половой дифференциации позволяет представить логически последовательные и достаточно убедительные объяснительные версии ряда проблем, которые сопровождают развитие современной культуры.

Во-первых, обращение к глубинному, архаичному прошлому дает достаточно весомые основания для объяснения присутствия в контексте культуры на протяжении всей ее истории самых разнообразных сексуальных девиаций, выходящих за рамки генеральной нормативно-ценностной стратегии в сфере половых, семейно-брачных отношений. Человек представляет собой единственное живое существо, которое самой природой предрасположено к самым разнообразным сексуальным ориентациям, широта интересов в этой деликатной сфере не знает никаких естественных рамок и границ. Эту особенность человеческой сексуальности отмечали очень многие, но точнее и лаконичнее других был маркиз де Сад, заметивший однажды, что у этого порока нет ничего естественного, есть только противокультурное. Действительно, культура постепенно, в течение длительного времени, с большими усилиями укрощала, говоря словами А. Шопенгауэра, «самую могучую и деятельную изо всех пружин бытия» [7, с. 374], урезонивала бушующую стихию полового инстинкта, загоняла его в единственно санкционированную форму – моногамный брак.

Об остроте противостояния культуры и природы, противоречивым единением которых стал человек, свидетельствует богатая историческая фактура. Культура наступала медленно, от этапа к этапу, постепенно расширяя пространство принципиально нового надбиологического типа регуляции половых отношений между людьми. Архаично-примитивные, категоричные запреты в виде табуаций постепенно уступили место сложноорганизованным нормативно-ценностным системам в виде морали и права. Но, несмотря на все грандиозные достижения, культура, которая, по известному афоризму Вовенарга, превратила человека в животное, способное управлять страстями, так и не смогла окончательно преодолеть поливариативность сексуального поведения у человека. Здесь не без иронии можно процитировать классика английской литературы В. Шекспира: Кто держит верх – не значит победил!

Не вникая в подробности культурологического экскурса, чему посвящено немало интересных работ, в которых в занимательной манере повествуется о пикантных подробностях из истории эротизма европейской культуры (см. [8–11] и др.), отметим, что современное состояние проблемы характеризуется смещением

исследовательских интересов в другую плоскость. Так, ученых интересуют причины, обуславливающие чрезвычайную устойчивость, неистребимость разнообразных сексуальных перверсий: инцеста, гомосексуальных отношений и других многочисленных «неназываемых пороков».

Предметное изучение различных форм девиантного сексуального поведения началось с середины XIX века в рамках тогда еще молодой науки – психиатрии. Начало этим изысканиям положил английский врач и этнограф Джеймс Причард, который в 1835 г. ввел понятие «моральное помешательство», или «морбитная перверсия» – болезненное извращение некоторых чувств и влечений, но без потери разума. Это понятие как нельзя лучше подходило для описания отклоняющихся от нормы форм сексуального поведения, затрагивающих отдельные компоненты полового влечения, как то: выбор необычного объекта, ситуации или способа удовлетворения. Впоследствии представители психиатрии направили свои усилия на изучение симптоматики разнообразных «половых извращений», и на сегодняшний день наука располагает доскональным описанием клиники более 30 атипичных видов сексуально-эротического поведения, которые осуждает и не принимает современная культура. При этом, применяя эмпирические методы исследования – анкетирование, интервьюирование, тестирование и другие процедуры социологического опроса, ученые установили, что некоторые виды перверсий, особенно гомосексуальное поведение, имеют не эпизодический характер, они оказались значительно более распространенными, чем было принято считать. По результатам исследований разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от 1–2% до 5–6% мужчин и от 1% до 3–4% женщин. Эпизодические или временные гомосексуальные контакты имеют по меньшей мере 30% мужчин в сексуально активном возрасте [12, с. 257]².

Приток новых, неординарных данных, радикально изменивших представления о характере человеческой сексуальности, инициировал поиск ответов на ряд наиболее актуальных вопросов: какими причинами обусловлено столь широкое распространение сексуальных перверсий, как определить грань между нормой и патологией в сфере половых отношений, что влияет на формирование сексуальных ориентаций и от каких факторов зависит устойчивость сексуально-эротического поведения человека и т. д.

Во-вторых, признание промискуитетной стадии в качестве исходной антропологической формы полового диморфизма имеет принципиальное значение для проведения более полной, панорамной исторической реконструкции процесса поэтапной эволюции половых отношений от первозданной хаотической неупорядоченности до таких важнейших общественных институтов, во многом определивших дальнейшее развитие культуры, как брак и семья в самой строгой форме их структурной организации – моногамии.

² Большое значение для понимания достоверных данных о распространенности гомосексуального поведения имела методика, разработанная профессором Индианского университета Альфредом Кинзи (1894–1956), который провел около 19 тысяч интервью, каждое из которых содержало от 350 до 520 пунктов информации. Итоги этой титанической работы были изложены в двухтомном труде «Сексуальное поведение мужчин» (1948) и «Сексуальное поведение женщин» (1953). Статистический метод опросов Кинзи дал поразительные результаты: среди опрошенных мужчин 48% признавали в своем сексуальном опыте хоть один гомосексуальный контакт, 10% мужчин вели гомосексуальную жизнь в течении ряда лет, а 4% остаются гомосексуалистами. Из опрошенных женщин 28% признались, что испытывали эротическое влечение к другим женщинам, 19% имели к 40 годам хотя бы один гомосексуальный контакт, исключительно гомосексуальную жизнь ведет 1% женщин.

Динамике процесса упорядочивания половых отношений в сообществе людей и формированию ранних первобытно-родовых форм брака и семьи посвящена обширная научно-исследовательская литература специалистов различных областей: палеоэтнографов, палеодемографов, палеопсихологов, археологов, историков, культурологов и т. д. Начало систематизированному изучению различных форм семейно-брачных отношений родовой организации в конце XIX в. положил крупнейший американский этнограф Л.Г. Морган.

Несмотря на то что от работ, ставших уже научной классикой, нас отделяет более столетия, актуальность поставленных в них дискуссионных проблем не утрачена до сих пор. Среди исследователей до настоящего времени не достигнуто единства мнений о первоначальной форме брака в качестве особого института, регулирующего отношения между полами, оформление которого ученые связывают с возникновением родовой организации и свойственной ей дуальной экзогамии. Одна группа исследователей придерживается концепции группового брака и утверждает, что исходной формой были кровнородственные половые отношения, позднее сменившиеся различными формами индивидуального брака и индивидуальной семьи. Другие полагают, что с самого начала истории человечества существовали индивидуальный брак и индивидуальная семья, которые в своем развитии принимали различные формы. Третьи, сближая крайние, противостоящие точки зрения, занимают компромиссную позицию и полагают, что «первоначальный брак, скорее всего, был как бы парно-групповым» [13, с. 194]. Разнообразие мнений и позиций, существующее вокруг проблемы первой формы организации семейно-брачных отношений в первобытно-родовом обществе, позволяет сделать одно бесспорное заключение: «вопрос о начальной форме брака пока еще не может быть решен вполне однозначно» [14, с. 117].

Не впадая в амбиции третейского судьи в этой ответственной академической дискуссии, имеет смысл представить некоторые соображения, которые могут в определенной мере дополнить содержательный контекст ряда аспектов проблемы. На наш взгляд, групповой брак представляет интерес не только как исторический факт, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические реконструкции, а также наглядное изучение жизненного уклада ряда примитивных народов, находящихся в состоянии родовых отношений. Особое внимание групповой брак привлекает как совершенно особая, переходная форма организации половых отношений, фиксирующая момент перерождения порядка, созданного природой, в порядок, установленный культурой. В этом отношении постановка вопроса о групповой форме брака вполне вписывается в объективную логику процесса поэтапной эволюции семейно-брачных отношений и отражает постепенность преобразования неупорядоченных половых отношений промискуитетного характера в упорядоченные, регулируемые табуативно-запретительным нормативом родовой общины. С позиций теоретической антропологии вырисовывается довольно стройная картина последовательно сменяющих друг друга форм организации половых отношений: промискуитетные отношения постепенно перестраиваются и принимают форму группового брака матрилокального или патрилокального типа, в свою очередь, групповой брак явно содержит элементы промискуитета, обнаруживая тем самым внутреннюю

непосредственную преемственность с первоначальной формой половых отношений, нерегламентированных строгими запретами и ограничениями.

Решающую роль в упорядочивании половых отношений в рамках родовой общины, по мнению исследователей, сыграла **экзогамия**³, которая оказала столь огромное влияние на весь ход дальнейшего развития общества, что с полным правом мы можем ее определить, перефразируя слова Ф. Энгельса, как самую «первую революцию древности». По меткому замечанию Ю. Лотмана, «культура начинается с табу». Установление экзогамного запрета можно рассматривать как первые, явные симптомы перерождения «зоологического», инстинктивного чувства, порожденного природой, в сугубо человеческие половые отношения, регулируемые нормативами культуры. Экзогамия представляет собой одну из самых архаичных форм табуирования, направленную на укрощение «основного инстинкта», при этом, как отмечают многие исследователи, в родовом обществе порой прощались убийство сородича, но нарушение экзогамии – никогда, это преступление каралось смертью. Ученые склоняются к мнению, что экзогамный запрет не встречается ни в одном сообществе животных⁴ и, следовательно, представляет собой исключительно антропологическое, социокультурное явление, причины формирования которого до сих пор окончательно не ясны. По вопросу происхождения экзогамии существует множество теорий, но ни одна из них не является общепризнанной.

Раскрытие причин формирования экзогамной формы брака существенно осложняется тем обстоятельством, что на ранних этапах экзогамный запрет существовал в таких формах, которые не исключали полностью инцестуозных связей. К примеру, матрилинейная система родства первоначально устраняла кровосмешение между родственниками всех поколений только по материнской, но не по отцовской линии. Так называемые кросс-кузенные браки (с дочерьми сестры отца или брата матери) были широко распространены у многих первобытных народов, тогда как в биологическом отношении они являются кровосмесительными.

В культурном наследии многих древних народов можно обнаружить сюжеты, демонстрирующие широкое распространение инцеста в качестве санкционированной нормативной практики. Яркие иллюстрации на сей счет предоставляет мифологический пласт древнегреческой культуры. Так, при знакомстве с пантеоном греческих богов даже школьник подмечает, что Гера, ставшая нарицательным образом ревнивой жены Зевса, приходится ему в первую очередь родной сестрой. Немало эпизодов инцеста содержат библейские тексты: дочери Лота для возрождения рода опоили отца вином и прижили от него детей, царь Ирод взял в жены свою родную сестру Иродиаду, Фамарь переспала со своим тестем Иудой, Рувим переспал с наложницей отца Валлой, Сихем – сын Еммора –

³ Экзогамия (от греч. *exo* – вне и *gamos* – брак) – запрет браков в пределах одной родственной группы.

⁴ Этологи отмечают, что в животном мире не удалось обнаружить нечто подобное экзогамии. У некоторых высших животных действуют биологические механизмы, препятствующие спариванию близкородственных особей. Например, в обезьяньих стадах очень ограничены половые контакты между представителями разных поколений. В колониях шимпанзе сексуальные связи братьев и сестер крайне редки: охотно допуская к себе других самцов, самка энергично протестует против сближения с братьями, а между матерью и сыновьями они вообще отсутствуют. Но, как полагают ученые, эти ограничения имеют только внешнее сходство с экзогамией и не совпадают с ней по существу (см. [15, с. 244]).

изнасил овал сестру Дину и т. д. В истории широко известны династические близкородственные браки: брак царицы Клеопатры со своим братом, браки в царских семьях древних персов, династийные союзы монарших домов Европы, которые просуществовали вплоть до конца XVIII в.

Примеров инцестуозных связей из истории культуры можно приводить бесчисленное множество, но в данном случае имеет значение не столько конкретно-фактологическая иллюстративность, сколько методология научного анализа, исходя из которой можно заключить, что одним из самых убедительных аргументов, доказывающих легальное существование инцеста в рамках раннеродового общества, является установление экзогамного запрета – ведь запрещается то, что практикуется. Институт экзогамии через систему табуаций был направлен прежде всего на категоричное прекращение под страхом смерти как брачных, так и внебрачных отношений между ближайшими кровными родственниками. Иными словами, экзогамию можно рассматривать как реакцию формирующейся культуры на инцест.

Одним из наиболее перспективных направлений, в рамках которого имеется возможность приблизиться к раскрытию глубинных причин зарождения различных форм регламентации в сфере семейно-брачных отношений раннеродового общества, является, на наш взгляд, синергетический подход, который в последнее время наиболее интенсивно разрабатывается в контексте общей теории самоорганизующихся сложных систем. С позиций синергетического подхода представляется возможным произвести теоретическую реконструкцию и восстановить объективную логику постепенного нарастания меры сложности организационных структур, возникающих по ходу разворачивания антропосоциогенеза. Перерождение стада пред-людей в человеческое сообщество шло не в последнюю очередь по линии нарастания степени упорядоченности половых отношений и приведения их посредством запретительных механизмов в состояние стройно организованной системы. Из полуживотного, «зоологического» состояния человек выходил медленно и, как отмечал известный французский антрополог Ш. Летурно, «поведение первобытного человека в начальный момент его развития стояло много ниже некоторых животных» [16, с. 111]. Но с определенного периода обозначилась тенденция перерождения полового диморфизма промискуитетного типа в строго иерархизированную структуру полоролевых отношений, постепенно приобретающих вид гендерной общественной организации. Под воздействием множества разнохарактерных причин в пространствах архаичной первобытной культуры развернулся многофакторный, интегративный процесс реструктуризации «зоологического», акцидентального пола в глубоко антропологический, субстанциональный пол. Динамика данного процесса очень точно отражена в суждении Ф. Энгельса: «Изучение первобытной истории... показывает нам состояние, при котором мужья живут в многоженстве, а их жены одновременно – в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех, состояние, которое в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевает целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов,

не остается только одна отдельная пара, которая преобладает в настоящее время [2, с. 36–37].

Поддерживая позицию многих ученых, можно утверждать, что исходным, стартовым состоянием, своеобразной точкой отсчета, с которой начался процесс кристаллизации семейно-брачной структуры раннеродового общества, являлся промискуитет, представлявший собой весьма оригинальный период в предыстории человечества. Одной из важнейших его характеристик являлось состояние **синкретизма** многих процессов, в том числе и полового диморфизма, поскольку полоролевая, гендерная дифференциация на «мужчин» и «женщин» на данном этапе еще окончательно не завершилась. В промискуитетный период субъектами половых отношений выступали не отдельные индивиды, имеющие на этот исторический момент еще примитивную психику и нерасчлененно-синкретическое сознание, а взаимобрачующиеся объединения: сначала «стадо», затем «род». Исследователи справедливо отмечают, что первый «человек» – это множество людей, а именно род, который в качестве структурной единицы древнейшей истории представлял собой некое совокупное «тело», недифференцированное по признаку пола. Отношения промискуитетного характера разворачивались в особом измерении: их фигурантами был не отдельный, конкретный человек, а деперсонализированное «мужское» и «женское» начало, как две противоположные природные стихии, первоначально замкнутые пространства первобытного сообщества. В эпоху промискуитета такие персоналии, как «мужчина» и «женщина», выступали в качестве объективированного, надличностного полового начала, границы между которыми по полоролевому признаку не были еще строго определены, а были расплывчаты и аморфны. Поэтому отношения между полами в тот период необходимо рассматривать не как связь между индивидами и тем более не как между индивидуальностями, а как отношения между брачующимися сообществами.

Теоретический анализ промискуитета в качестве начальной формы половых отношений в формирующемся человеческом сообществе представляется весьма перспективным, поскольку позволяет достаточно аргументированно объяснить ряд явлений, которые неизменно сопровождают развитие культуры на протяжении всей ее истории. Несмотря на колоссальную временную отдаленность, промискуитетная стадия присутствует в контексте современной культуры в виде своеобразных атавизмов, через которые проявляется родовая природа человека. Укорененные в половой сфере самые разнообразные сексуальные практики, которые не санкционирует, отторгает и напряженно пытается выдать из своих нормативно-ценностных пространств культура, характеризуются поразительной устойчивостью и в конечном счете неистребимостью. Принимая завуалированные, латентные формы, многочисленные сексуальные отклонения обладают такой поразительной живучестью и устойчивостью, поскольку произрастают из первоначального хаотично-неупорядоченного, промискуитетного состояния, которое как «родовое проклятие» или несмываемое пятно позора лежит на исторической репутации человеческого рода.

Summary

L.M. Bogatova. On a "Shame" of the Human Race.

The article considers one of the controversial aspects in philosophical anthropology, i.e., the promiscuous stage as an initial state of sexual relationship in the most ancient community. It is consistently argued that the syncretical form of intersexual relations in the archaic culture is of great interest not only with regard to further evolution of matrimonial relations and development of such social institutions as family and marriage, but also for understanding causes of the metamorphoses accompanying changes in the generic essence of humans.

Keywords: culture, promiscuity, incest, exogamy, pre-society.

Литература

1. Уайт Э., Браун Д. Первые люди. – М.: Мир, 1978. – 156 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – 745 с.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1990. – 336 с.
4. Сосновский А.В. Лики любви. Очерки истории половой морали. – М.: Знание, 1992. – 207 с.
5. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.
6. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. – М.: Республика, 1993. – 511 с.
7. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви // Шопенгауэр А. Избранные сочинения. – М.: Просвещение, 1992. – С. 371–412.
8. Блох И. История проституции. – М.: АСТ-пресс, 1994. – 543 с.
9. Фукс Э. Иллюстрированная история эротического искусства. – М.: Республика, 1995. – 447 с.
10. Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. – М.: Наука, 1988. – 540 с.
11. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 527 с.
12. Кон И.С. Введение в сексопатологию. – М.: Медицина, 1990. – 336 с.
13. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.
14. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – 309 с.
15. Дембровский Я. Психология обезьян. – М.: Изд-во иностр. лит., 1989. – 331 с.
16. Летурно Ш. Прогресс нравственности. – СПб.: Ф. Павленков, 1910. – 384 с.

Поступила в редакцию
12.12.14

Богатова Лариса Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: bolami@inbox.ru